

Максим Горький

КОЛОКОЛ

Набросок

Церковь Трёх святителей стояла на горе, а по склону горы раскинулся маленький уездный городок; он сползал к её подошве, омываемой речкой, и с церковной колокольни был виден весь до последней лачужки.

Маленький, утопавший в зелени город, при взгляде на него сверху, производил странное впечатление: казалось, что некогда он стоял на вершине горы и чьей-то силой был сброшен вниз с неё.

Смятённая толпа однообразных домиков ринулась под гору и остановилась в хаотическом беспорядке, удержанная и разъединённая деревьями и кустами, покрывавшими гору весёлой, живой массой.

И вот на пышном ярко-зелёном фоне тут и там сквозят тёмные пятна крыш и стен. В центре их стройно вздымается кверху колокольня другой городской церкви; металлический крест её, отражая лучи солнца, сияет над пленённым городом, как

маяк, указывающий его жителям пункт, к которому они должны стремиться.

Эта колокольня и ещё пожарная каланча — две высшие точки в море зелени, а над ними высоко на горе, в густой чаще лип, стоит Трехсвятская церковь — белая, яркая, с золотыми главами. Она построена уже давно каким-то богачом-помещиком, выбравшим местом для неё старый парк на краю горы. С трёх сторон её окружают могучие старые липы, осеняя своими пахучими ветвями её стены; с четвёртой, к городу, липы срублены. Церковная паперть гостеприимно смотрит на город, и кажется, что лес расступился перед ней для того, чтобы не препятствовать людям издали видеть тяжёлую дверь в дом божий.

Лет пять тому назад её ремонтировал заново первый городской богач — купец Антип Никитич Прахов. Он расширил её, вызолотил иконостасы и главы, возвысил колокольню и пожертвовал колокол — очень большой, в шестьсот с лишком пудов. Такого колокола ещё не было в городе.

Когда его поднимали на колокольню, это стоило больших хлопот жертвователю и немало труда горожанам — колокол шёл очень тяжело — «нехотя», как говорили в городе.

Народ выбивался из сил, поднимая его, он то задевал за карнизы здания, то верёвки путались и

рвались... В толпе людей, уставших трудиться в жаркий летний день, то и дело слышались возгласы:

— Ещё бы он легко пошёл! Надо помнить, кем и на какие деньги он слит...

И, говоря так, горожане искоса поглядывали на суетившегося среди них Прахова. А он, возбуждённый и энергичный, властно и ласково покрикивал на них:

— Ну-ну, ребятушки, дружно-о! Дружнее бери, православные! Для господа бога трудитесь.

Охая и ухая, с напряжёнными, потными лицами, горожане тянули верёвки и вполголоса говорили друг другу:

— Для бога, как же! Рассказывай! Знаешь ты, живодер, бога. Для похвальбы, скажи...

— Бери-и! — возбуждённо кричал Прахов, сам хватаясь за верёвку.

Это был человек лет пятидесяти, высокий, плотный, с чёрными волосами, уже густо посребрёнными сединой, с большими умными глазами, смотревшими на всё из-под густых бровей сухо и иронически недоверчиво. Его крупный, горбатый нос придавал широкому лицу в густой чёрной бороде выражение хищности и силы; высокий морщинистый лоб, властный громкий голос, уверенные жесты — всё это сразу же заставляло чувствовать в Прахове натуру, непреклонно гордую, цельную и незнакомую с

мучительными колебаниями духа, с угрызениями совести.

Его, как человека очень богатого и чѣрствого, никто не любил в городе, но он был силѣн своим богатством и характером, и все боялись его, что ещё более усиливало нелюбовь к нему.

И хотя, поднимая колокол, о Прахове говорили много нелестного, но громко раздавались только такие речи:

— Дай, господи, здоровья Антипу Никитичу, — радеет он у нас о храме божием!

Но Прахов был слишком умѣн для того, чтобы верить в искренность таких речей; он оставался равнодушен к похвалам и не сердился на порицание. Только когда колокол был уже поднят и укреплѣн, Прахов услышал нечто, сильно встревожившее его тогда.

Кто-то из горожан, присевших отдохнуть на церковной паперти, не замечая, что Антип Никитич стоит неподалѣку, задумчиво и как-то особенно серьёзно сказал:

— А должен бы этот самый колокол треснуть...

Прахов нахмурил брови, потом усмехнулся себе в бороду и молча ушѣл домой.

В день успения пресвятой богородицы колокол ударил первый раз к ранней обедне. Антип Никитич, замирая от тревожного желанія услышать

его звук, сам трепетными руками раскачал язык, и, когда густой, певучий удар, сотрясая воздух, поплыл над городом за реку, в луга, — у Прахова замерло сердце и подогнулись колени от гордости и восторга. Могучий, удовлетворённый, он стоял на колокольне, широко расставив ноги, и, раскачивая язык по локоть засученными мускулистыми руками, бил тяжёлым железом звонкую медь, — бил, пьянея от удовольствия, яростно ударяя языком, весь в поту, дрожащий, сверкая глазами.

И могучие звуки благовеста плыли в свежем воздухе летнего утра, плыли, далеко разнося свой призыв.

А когда благовест был кончен, Прахов сел на перила в прорезе колокольни и, чувствуя, что внутри его всё ещё звучат плавные медные удары, стал, тяжело дыша, смотреть вниз на город, только что обрызнутый первыми лучами солнца.

Он видел, как по улицам шли люди и смотрели вверх на гору и на колокольню, где сидел он. Их голосов ему, конечно, не было слышно, но иногда они указывали вверх руками, и ему было приятно видеть это.

А ещё приятнее для него было то, что все эти люди, внизу, были такие маленькие, жалкенькие, подленькие. Он довольно улыбался, сознавая, что каждому из них было бы так же, как и ему, приятно звонить в свой колокол, находясь высоко над